

П. А. Ильин*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА И НЕОПРАГМАТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ УИЛЛАРДА КУАЙНА

Статья посвящена разбору соотношения неопрагматической философии Куайна и концепции метафорической истины Поля Рикера через призму проблемы философского реализма. В статье автор осуществляет синтез двух философских подходов с целью выявления реалистического потенциала подобного философского синтеза. В ходе работы выясняется, что, несмотря на множество родственных элементов в философии обоих авторов, таких как концепция непрозрачной референции, эпистемологический холизм, отказ от «мифа о музее», приверженность идеям слабого реализма и слабого картезианства, синтез двух философских подходов не позволяет однозначно укрепить позиции философского реализма. Тем не менее представление Рикера о теоретическом объяснении как о метафорическом переописании области экспланандума крайне органично, на взгляд автора, сочетается с представлением Куайна о расширении языка теории, позволяя при этом избежать той степени приверженности конвенционализму, которая присуща философии Куайна, что дает перспективу уйти от релятивистской позиции в сторону концепции универсальной истины, которая, как автор полагает вслед за Хилари Патнэмом, неразрывно связана с идеей реализма.

Ключевые слова: Уиллард Куайн, Поль Рикер, неопрагматический реализм, метафорическая истина.

Р. А. Цуйн

METAPHORICAL TRUTH AND NEOPRAGMATIC REALISM OF WILLARD QUINE

The article is devoted to the analysis of the relationship between Quine's neopragmatic philosophy and Paul Ricoeur's concept of metaphorical truth through the prism of the problem of philosophical realism. The author synthesizes the two philosophical approaches in order to identify the realistic potential of such a philosophical synthesis. In the course of the work it becomes clear that despite many related elements in the philosophy of both authors, such as the concept of opaque reference, epistemological holism, rejection of the "myth of the museum", commitment to the ideas of weak realism and weak Cartesianism, the synthesis of

---

* Ильин Петр Александрович, аспирант, СПбГУ; peter-2007@mail.ru

two philosophical approaches does not allow to reinforce the position of philosophical realism. Nevertheless, Ricoeur's notion of theoretical explanation as a metaphorical re-description of the field of explanandum can be in the author's view extremely organically combined with Quine's notion of expanding the language of theory, allowing us to avoid the degree of commitment to conventionalism inherent in Quine's philosophy, which gives the prospect of moving away from a relativistic position towards the concept of universal truth, which the author believes, following Hilary Putnam, is inextricably linked to the idea of realism.

Keywords: Willard Quine, Paul Ricoeur, neopragmatic realism, metaphorical truth.

Благодаря усилиям спекулятивных реалистов проблематика философского реализма стала особенно актуальной в наше время. В контексте их попытки вернуть философии прямой доступ к реальности становится актуальным переосмысление предыдущих философских направлений с целью выявить их реалистический потенциал. Неопрагматизм является философским направлением, для которого проблема реализма всегда была одной из ключевых. Один из главных диспутов неопрагматизма между Ричардом Рорти и Хилари Патнэмом был во многом посвящен именно этой проблеме. Сторонник релятивизма Рорти одержал победу в этом споре, показав несостоятельность аргументов оппонента, пытавшегося отстоять неразрывную связь реализма и концепции объективной истины. Это подвело определенные итоги противостояния двух непримиримых направлений в неопрагматизме и прагматизме вообще, представителями которых выступили Рорти и Патнэм. Однако проблема по-прежнему остается актуальной и по сути не решенной. Для решения этой проблемы необходимо использовать иные подходы, которые позволили бы по-новому взглянуть на вопрос соотношения языка и реальности, теорию референции, концепцию истины и позволили бы тем самым раскрыть реалистический потенциал неопрагматизма как философского направления. Таким подходом, на наш взгляд, является концепция метафорической истины Поля Рикера, которая, с одной стороны, имеет схожие с неопрагматизмом черты, такие как склонность к конвергенции аналитической и континентальной философии, внимание к языку, эпистемологический анархизм, а с другой стороны, принципиально от него отличается, предлагая совершенно иные способы решения тех же проблем. Целью данной статьи является соотнесение концепции Рикера с философией Уилларда Куайна — одного из главных представителей неопрагматизма с целью выявления реалистического потенциала подобного философского синтеза.

ОБ ОНТОЛОГИИ

Одной из важнейших тем с точки зрения соотношения концепции Рикера и философии Куайна является представление об онтологии. Куайн известен своим принципом онтологической относительности. Этот принцип проявляет себя в двух смыслах: во-первых, онтология с точки зрения этого принципа определяется конкретной теорией, во-вторых, онтология зависит от способа перевода предпосылочной теории в другую [5, с. 59].

Итак, то, что мы считаем объектами по мнению Куайна зависит от языка, который выступает в качестве конкретной теории. Получается, что все объекты

теоретичны, при этом, поскольку языки разнообразны, разнообразны и теории. В этом заключается первый смысл, в котором Куайн понимает онтологическую относительность. Второй смысл принципа онтологической относительности предполагает, что онтологические вопросы, если рассматривать их абсолютно, а не относительно, всегда имеют свойство быть логическим кругом, что делает эти вопросы бессмысленными [там же, с. 57]. Проблема совсем не в том, что объекты не прозрачны, поскольку нам недоступны их свойства, а в том, что невозможно дать определение всем терминам той или иной теории без обращения к терминам из другой, предпосылочной по отношению к ней теории, которая, в свою очередь, всегда будет обладать непрозрачной онтологией. Получается, что мы можем говорить об онтологии той или иной теории только в рамках предпосылочной теории, универсум которой включает в себя универсум этой теории как свою часть. Внутри этой предпосылочной теории мы можем также показать, как субординированная по отношению к ней теория может путем переинтерпретации быть сведена к другой субординированной теории, универсум которой будет меньшим по отношению к первой субординированной теории и таким образом отвечать на онтологические вопросы. Таким образом, осмысленный разговор об онтологии той или иной теории всегда будет возможен только в контексте предпосылочной теории, онтология которой не может быть до конца прояснена и тоже требует интерпретации с помощью слов из всеохватывающей, так называемой домашней, теории, онтология которой также требует прояснений, и этот процесс является так или иначе бесконечным [там же, с. 55].

Представление о существовании как значении связанной переменной Куайн берет у своего учителя Карнапа, который считал, что существует иерархия языковых каркасов, в рамках каждого из которых существует своя особая онтология, при этом они хорошо согласуются между собой, предполагая такое отношение между верхним и нижним каркасом, при котором нижний языковой каркас как бы является неким частным случаем верхнего. Примером таких отношений является отношение классической механики и специальной теории относительности, в рамках которой механика остается верной, являясь ее частным случаем. А также отношение классической физики и квантовой механики, где материальные тела классической физики приемлемы в квантовой механике лишь как приближения, поскольку в ней рассматриваются объекты, для которых нельзя одновременно измерить координату и импульс — это отношение становится неким приближением, как между общим и частным. При этом, по Карнапу, вопросы о существовании могут быть внутренними, когда они задаются только внутри того или иного языкового каркаса и в его терминах, при этом для ответа на них задействуются ресурсы и используются правила этого каркаса, а также внешними, где вопрос о существовании ставится вне языкового каркаса. И хотя ответы на внешние вопросы существования будут формулироваться с помощью слов определенного языкового каркаса, разница с ответом на внутренний вопрос в том, что ответы формулируются не на основе предпосланных правил оценки истинности и ложности, а исходя из прагматических соображений и определяются гласным или негласным соглашением исследователей. При этом, что важно, Карнап отдельно выделяет

онтологические вопросы, то есть вопросы о родах сущего, считая их разнообразностью внутренних вопросов существования [7, с. 28].

Если говорить об онтологии в рамках рикеровской концепции метафорической истины, то мы увидим, что Рикер обращается к аристотелевскому понятию «фюзиса», которое отражает некую природную метафоричность, присущую миру. Онтологический статус этого понятия не вполне ясен. Является ли оно некой объективной сущностью мира, которая полностью независима от сознания и от языка как субститута сознания в аналитической философии? Или же оно есть некая языковая форма, которая присуща субъекту, в духе кантовских априорных форм? По Рикеру, онтологический статус понятия «фюзис» таков, что оно находится как бы между субъектом и объектом, являясь субъектно-объектной сущностью, то есть чем-то средним между аристотелевской сущностью и формой, присущей субъекту или, точнее, языку, при этом оно не представляет собой совокупности объектов, являясь родом дообъектного бытия [8, с. 284]. В этом смысле оно все же выходит за рамки языка, что невозможно представить в рамках куайновской концепции. Но применима ли методология Рикера к методологии Куайна? Может ли концепция «фюзиса» быть органично вписана в логику американского мыслителя? Надо сказать, что Куайн сам обращается к наследию Аристотеля. Так, в своей знаменитой статье «Две догмы эмпиризма» он сравнивает теорию значения с концепцией сущностей Аристотеля. Куайн замечает, что аристотелевская сущность является предшественником интенционала, или значения, но при этом значение для Аристотеля — это «то, чем становится сущность, когда ее разводят с предметом референции и отдают замуж за слово.» [4, с. 344]. То есть только лингвистические формы, но не вещи могут иметь значения. Говоря об этом, Куайн сам подчеркивает экстралингвистический характер философии Аристотеля, что унаследует и Рикер вместе с концепцией «фюзиса», в то время как философия самого Куайна предельно лингвоцентрична и, похоже, не предполагает возможности выйти за пределы языка в сферу чистой онтологии, что подтверждается его принципом онтологической относительности. В то же время, определяя эпистемологию как одну из естественных наук, он очевидным образом признает возможность познания как такового, что позволяет определить Куайна как реалиста. Однако этот реализм можно назвать «слабым» — по аналогии с понятием Квентина Мейясу «слабый корреляционизм», которое предполагает, что мир мыслится всегда в корреляции с сознанием, но при этом имплицитно декларируется некоторая степень независимости мира от сознания [6, с. 46]. Под описание слабого корреляционизма Мейясу полностью подходит философия Ричарда Рорти, который в вопросах соотношения языка и реальности опирался именно на Куайна. Рорти, как и Куайн, считает, что мир, независимый от сознания, все же существует, но так же, как и последний, никак это не доказывает, считая самоочевидным [1, с. 51]. Поэтому такую позицию также можно назвать «слабым реализмом». Рикеровский реализм тоже, по всей видимости, можно отнести к слабому реализму, так как его онтология «фюзиса» диалектически содержит в себе субъективное начало, так что нельзя однозначно определить, какого начала — объективного или субъективного — в «фюзисе» больше.

Тем не менее между слабым реализмом Куайна и слабым реализмом Рикера есть, на наш взгляд, одно важное отличие. В силу того, что Куайн является приверженцем натурализма [12, р. 1], очевидно, что для него, как и для спекулятивного реалиста Брассье, естественно-научный дискурс обладает привилегированным статусом с точки зрения познания по отношению, например, к эстетике [10, с. 95], к коей относится и поэтический дискурс. В то же время Рикер очевидным образом стремится всячески защитить онтологический статус поэтического дискурса. Рикер отрицает традиционное для герменевтики различие мира духа и мира природы, которым якобы соответствуют понимание и объяснение. Он критикует эту догму как натуралистическую и показывает, что объяснение и понимание являются неотъемлемыми частями интерпретации текста, который приобретает семантическую автономию от рассказчика благодаря письменной фиксации совокупности знаков [9, с. 7–8]. Но не только текст, но и социальное действие, с точки зрения Рикера, требует сочетания процедур понимания и объяснения [там же, с. 10]. Из этого, однако, следует, что Рикер не распространяет герменевтику на естественно-научный дискурс, а значит, этот метод едва ли можно использовать в той модели познания, которую перед нами выстраивает Куайн.

О РЕФЕРЕНЦИИ

Другой не менее важной темой, позволяющей увидеть связь идей Куайна с концепцией метафорической истины Рикера, является их понимание референции. По Куайну, референция принципиально непостижима [3, с. 339]. Референция на интуитивном уровне кажется простой и очевидной операцией по связыванию объектов со словами, где предполагается строгое парное соответствие слов объектам. Куайн, однако, отрицает подобную интуицию. Куайн пишет о том, что мы часто путаем реакцию на стимул с референцией как таковой. Первое происходит, когда, к примеру, ребенок указывает на молоко со помощью слова, которое он усвоил посредством ассоциации с возбуждением органов чувств. При этом постфактум взрослый человек полагает, что слово «молоко» относится к некоторому объекту, к субстанции. При этом, как отмечает Куайн, взрослому человеку не приходит в голову выделять объект, соответствующий словам «ветрено» или «дождливо», которые, аналогично слову «молоко», в устах ребенка отражают лишь реакцию на определенный стимул [там же, с. 323]. Оказывается, что даже в случае остенсивного определения, когда происходит указывание на что-либо, в действительности совершенно неясно, на что именно указывается: например, при указывании на тело, не вполне ясно, указывается ли на все тело или на какую-то его часть, и если на часть, то на какую именно. При этом для многих слов, например для союзов, предлогов, междометий, остенсивное определение оказывается вообще противоположенным. По Куайну, получается, что референция как самостоятельный акт, который не опосредован языком, является мифом — «мифом о музее», который как раз предполагает, что каждому объекту соответствует слово.

По Куайну, фундаментальными элементами семантики являются не слова, а предложения [там же, с. 323]. Он заметил, что многие термины эксплицируются не сами по себе, а именно в составе предложений. Такими терминами могут быть как раз уже упомянутые союзы, междометия, а также местоимения, например «тот», «который» и т. д. Таким образом, получается, что значения слов зависят от значений предложений. С точки зрения Куайна, слово можно считать тоже своего рода предложением, но предложением абсурдным. Так, осмысленным, например, является предложение «х есть р», но уже не является осмысленным предложение «х есть», или «есть», или «р». Это связано с представлением Куайна о том, что значит существовать. Вопрос существования является важным для Куайна как прагматика, поскольку поведение человека не может обойтись без интереса к тому, что признается существующим. Для Куайна признаваться существующим может только тот «предмет», условный «Х», который является значением связанной переменной, то есть только тот «х», который находится в составе предложения «х есть р» в связке с другой переменной и удовлетворяет этому предложению [там же, с. 328].

Метафорическая референция Поля Рикера также носит непостижимый характер. Рикер, так же как и Куайн, опирается на холистический принцип, который в случае Куайна заключается в экспликации терминов в составе предложений, а в случае Рикера — в том, что референтом является не одна метафора, а целая система метафор, которую он называет «поэмой». Это созвучно, хотя и не аналогично тому, как Куайн в качестве семантической единицы выделяет не отдельное слово, но предложение. Не аналогично, поскольку Рикер в качестве первой и последней сущности дискурса выделяет не фразу, а «текст», который в качестве таковой сущности является, как он пишет, уже вопросом не семантики, но герменевтики [8, с. 52]. Поэтический референт у Рикера, таким образом, не представляет собой какой-то один четко выделенный объект, но является неким «множеством» с трудно различимыми границами, что далеко от представлений о том, что каждому объекту соответствует слово, свойственных «мифу о музее». Но, что важно, в отличие от Куайна, Рикер переходит с уровня языка на уровень дискурса, где действуют свои законы — формальные правила кодификации, а именно коды литературных жанров, благодаря которым поэма или текст являются уже не просто суммой высказываний, но единым целым. Здесь возникает феномен стиля как воплощения единичной индивидуальности, принципиально непостижимого для теоретического как некоей оптики, направленной на нечто общее и не различающей единичного, всегда останавливающейся на последнем видовом понятии. Поэтому стиль радикально отличает практические категории, такие как производство, от теоретических, что подтверждает, по мысли Рикера, и Аристотель, говоря о том, что производить — значит производить единичное, которое есть не что иное, как коррелят действия [там же, с. 53]. Исходя из этого, Рикер переформулирует постулат референции Фреге, где основными терминами являются смысл и денотат. По Рикеру, в герменевтике, в отличие от семантики, смысл заменяется на структуру произведения, а денотат — на мир произведения. В итоге он определяет герменевтику как теорию, которая регулирует переход от структуры произведения к миру произведения, а под интерпретацией произведения предлагает понимать

разворачивание мира, к которому оно отсылает в силу своей композиции, своего жанра и своего стиля [там же, с. 54]. Получается, что в литературном произведении дискурс разворачивает свою особую денотацию — денотацию второй степени и делает это в силу приостановки денотации дискурса первой степени. Последняя зиждется на буквальном смысле, который замещается смыслом метафорическим, в результате чего метафорическое высказывание приобретает свою метафорическую референцию на развалинах референции буквальной [там же, с. 56]. Таким образом, можно сказать, что Рикер переходит на более высокий уровень анализа референции, нежели Куайн, при этом не отменяя, но развивая представления Куайна о референции.

ПРОЦЕСС НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Из холизма Куайна вытекает особое восприятие науки как единого целого, не поддающегося однозначной опытной проверке путем проведения специфических для отдельных наук экспериментов [11, р. 38]. Куайн, считавший, что смысл слова познается лишь в контексте предложения, а смысл предложения — в контексте языка-теории, естественно переносил этот принцип и на научное знание, что выражалось в знаменитом тезисе Дюгема — Куайна. Этот тезис предполагает, что перед судом экспериментальных данных предстают не отдельные положения той или иной теории, а теория в целом. Это ведет к следствию, что невозможен такой решающий эксперимент, который позволил бы сделать однозначный выбор между двумя положениями или двумя теориями. В лучшем случае некий максимально «громкий» эксперимент приведет лишь к частичной трансформации теории [ibid., р. 41]. Это, в свою очередь, приводит к укреплению идеи конвенционализма и делает позицию Куайна близкой к релятивизму.

Идея науки как единого целого вполне близка герменевтической концепции Рикера, который говорит о научном дискурсе, противопоставляя его дискурсу поэтическому. В этом мы видим склонность к организации науки в нечто единое. При этом Рикер все же четко отделяет сферу поэтического дискурса, для которого, по его мнению, свойственен холизм, получающий выражение в непрозрачности метафорической референции, от сферы научного дискурса, где, как полагает Рикер, все устроено по принципу «мифа о музее», где каждому термину соответствует свой референт-объект. Так или иначе, само понимание Рикером герменевтического метода предполагает отказ от разделения на естественно-научные методы и методы гуманитарных наук, к которым обычно приписывают и герменевтику. Рикер полагает, что герменевтика включает в себя как понимание, так и объяснение, которое ранее считалось прерогативой исключительно естественных наук [9, с. 7]. Это, на наш взгляд, вполне соответствует куайновскому холистическому взгляду на науку как нечто единое, познаваемое также через язык, не поддающийся строгой специализации. При этом Рикер все же далек от конвенционализма, в той или иной степени присущего куайновской картине мира. Таким образом, может показаться, что герменевтический подход Рикера вполне может

быть использован для творческого развития куайновского «метода», в том числе потенциально способствовать уходу от конвенционализма, а значит, и релятивизма, что в конце концов могло бы стать подспорьем и для укрепления позиций реализма, который, как мы считаем вслед за Хилари Патнэмом, не совместим с релятивизмом [2, с. 178]. Однако, как мы уже писали, герменевтический метод Рикера может быть распространен только на тексты и социальные действия, но не на дискурс естественных наук. Следовательно, едва ли можно говорить о том, что это могло бы как-то способствовать уходу философии Куайна от конвенционализма и релятивизма.

Куайн как последовательный релятивист отказался от идеи существования иерархии языковых каркасов и от идеи разделения вопросов существования на внутренние и внешние, связанной с особым статусом онтологических вопросов как первых вопросов существования в философии Карнапа. Куайн отрицает этот особый статус, предполагая, что каждый научный вопрос соединяет в себе то, что Карнап разводит как внутренние и внешние вопросы, что предполагает одновременную нацеленность как на научные изыскания, так и на оценку целесообразности языка, на котором эти изыскания производятся. Это означает, что в рамках научного языка исследователем могут вводиться новые термины и понятия, а не только проводиться доказательство и эксперименты с целью подтверждения теоретических выводов, то есть возможны изменения самого этого языка без изменений того, что можно было бы назвать языковым каркасом. Кроме того, исследователь сразу же вторгается тем самым в сферу онтологического, предполагая некие роды сущего. Выводы Куайна в целом опираются на акцентирование внимания на альтернативных теориях в противовес иерархическим отношениям языковых каркасов Карнапа, дополняющих друг друга, а не входящих друг с другом в противоречие [7, с. 30]. Такая свобода по введению новых терминов связана с идеей Куайна о лишь частичной детерминированности теории эмпирией. Протоколы наблюдения по Куайну — это лишь «предложения обстоятельств», и теория не может быть сведена к ним, а является продуктом свободного творчества, лишь частично затронутым опытом. Мы можем свободно отвергать одни предложения в пользу других, более того, поскольку все теории взаимозависимы и являются плодом единого творческого процесса, возможно принесение в жертву одних теорий или их фрагментов для сохранения и укрепления других теорий [там же, с. 34].

Рикер в вопросе о научном познании опирается на концепцию моделей Макса Блэка. Сам Рикер при этом подчеркивает, что экзистенциальный статус модели, из-за которого отказался от моделей тот же Дюгем, очевидно близкий по взглядам к Куайну, не так важен, а важно, каковы правила интерпретации теоретической модели [8, с. 102–103]. Принцип работы теоретической модели предполагает, что она обладает лишь теми свойствами, которые предписаны ей языковой конвенцией. В соответствии с этой конвенцией происходит развертывание теории, то есть выведение всех возможных следствий из теоретической модели, которое воспринимается как интуитивное схватывание, в то время как все происходит благодаря легкости использования модели как системы заданных конвенцией правил развертывания [там же, с. 103]. Благодаря тому, что с теоретической моделью можно производить операции, богатые

следствиями, возникает, по мнению Рикера, возможность благотворной работы на уровне гипотез. Важно принципиальное отличие теоретической модели как «описанной модели» от модели аналогичной (по Максубу Блэку), которая является «построенной моделью». Теперь изоморфизм, то есть соответствие модели и ее оригинала, то есть реальности по структуре, но не по способу явления, существует уже не между оригиналом и построенной вещью, а между оригиналом и вещью описанной. Благодаря изоморфизму отношений становится возможной переводимость одной идиомы в другую, высказываний о вторичной области, то есть о модели, в высказывания о первичной области, то есть об оригинале или реальности. При этом модель не является временным средством, замещающим за неимением лучшего прямую дедукцию, а является способом усмотрения новых связей, которое теперь происходит окольным путем через эту самую «описанную модель», что составляет содержание научного воображения как такового и определяет, по мнению Рикера, логику научного открытия в противовес дедуктивному научному идеалу Евклида [там же, с. 102–104]. В этом можно усмотреть сходство Рикера и Куайна в подчеркнуто эмпирическом уклоне их концепции познания. При этом Рикер, в отличие от Куайна, опирается на идею благотворности использования моделей для усмотрения новых связей, очевидным образом отражающих реальность, хотя возможно и не вполне ей тождественных. Это тем не менее предполагает того крайнего релятивизма Куайна, который не верил ни в возможность опровержения какого бы то ни было научного высказывания, ни, очевидно, в возможность продвижения в сторону более точной по отношению к реальности языковой конвенции. Другое дело, насколько оправдан и обоснован рикеровский эпистемологический оптимизм. Так, он фактически оставляет за скобками вопрос о том, каким образом модель способна отражать оригинал по структуре. Это слабое место как раз подчеркивал Куайн, довольно обоснованно проводя линию мысли о том, что структура реальности никак не отражается в структуре языка. Получается, что Рикер, с точки зрения Куайна, был бы раскритикован как сторонник «мифа о музее», верящий в то, что каждому объекту в мире соответствует свой эквивалент в языке? Пожалуй, это не совсем так, и далее мы объясним почему.

В своей знаменитой статье «Две догмы эмпиризма» Куайн критикует именно идею языковых каркасов Карнапа. Эта идея как раз опирается на две догмы, которые связаны друг с другом. Первая догма известна еще со времен Канта и предполагает существование дихотомии аналитических и синтетических предложений, где первые истинны в силу того языка, на котором они формулируются или в силу значений, независимо от фактов, а вторые истинны в силу тех фактов, которые в них сообщаются [4, с. 343]. Вторая догма — это редукционизм, то есть позиция, которая утверждает как непосредственную, так и опосредованную сводимость теоретических предложений и терминов к протокольным предложениям, фиксирующим непосредственные наблюдения. Но как связаны между собой эти догмы и почему на них основана идея языковых каркасов? Дихотомия аналитического и синтетического предполагает редукционизм, так как для определения аналитичности аналитических предложений определенного типа, таких как, например, «все холостяки неженаты», их надо свести к некоей совокупности эмпирических данных, которые пока-

зывают, что области значений терминов «холостяк» и «неженатый мужчина» либо совпадают, либо входят одна в другую. То есть термины «холостяк» и «неженатый» надо определить в терминах наблюдения, как, например, «живущий вне семьи» или «не зарегистрировавший брачных отношений». При этом мы не сможем доказать аналитичность, если в пределах данного языкового каркаса значения эмпирических терминов будут легко меняться и не будут более или менее устойчивы. В свою очередь редукционизм обязательно предполагает разделение предложений на аналитические и синтетические. Так, при верификации чего-либо сведение теоретического предложения к протоколу всегда предполагает наличие неких дополнительных предпосылок, при этом эти предпосылки всегда должны быть аналитическими, а значит, непроблематичными и не подлежащими проверке. В противном случае сведение не будет верификацией именно этого теоретического предложения [7, с. 33].

Критика концепции языковых каркасов Карнапа со стороны Куайна соответствует, на наш взгляд критике, дедуктивного научного идеала со стороны Рикера. Критика Куайна заключалась в том, что он не признает иерархии языковых каркасов, основанной на идее возможности проверки отдельных предложений теории, а также на идее монолитности и самождественности каркаса, что, в свою очередь, основано на мысли, что каркас обладает своим неизменным набором понятий и правил оценки истинности/ложности. Такое видение отражает на наш взгляд именно дедуктивный принцип выведения знания, где то, что необходимо объяснить (*explanandum*), должно быть выводимо из совокупности объясняющих положений (*explanans*). В противовес этому Куайн говорит о том, что в процессе научного познания возможно добавление новых слов и терминов в научный язык-теорию, которые могут сильно изменять сам этот язык, что соответственно разрушает представление о монолитности и самождественности языкового каркаса. Рикеровская идея о том, что в процессе работы научного воображения происходит перманентный перевод новых данных об отношениях между изначальной областью (*explanandum*) и описанной моделью (*explanans*) с языка высказываний, относящихся к «*explanans*», на язык высказываний об «*explanandum*», как раз походит, с нашей точки зрения, на представление Куайна о том, как происходит процесс изменения научного языка. Другое дело, что, по Куайну, получается, что изменения эти хаотичны, при этом детерминированы эти изменения не только, а может и не столько эмпирией. Возникает вопрос, приводят ли эти изменения, по Куайну, к какому-либо уточнению отношений между реальностью и теорией. Рикер, как мы уже писали, не ставит под сомнение, что такое уточнение возможно, при этом он не приводит каких-либо обоснований этого, по-видимому, считая это очевидным. Можно подумать, что Куайн скорее отвечает на этот вопрос отрицательно, если обратить внимание на его принцип онтологической относительности, который предполагает невозможность конечного определения того или иного предмета реальности из-за необходимости использовать все новые слова для уточнения определения, которые, в свою очередь, также нуждаются в определении, и этот процесс бесконечен. Тем не менее Куайн, очевидно, не подвергал сомнению возможность науки познавать реальность, что косвенно подтверждается тем, что Куайн прямо определял свои взгляды как натурализм [12, p. 1], считая, что эпи-

STEMОЛОГИЯ также изучает природные явления. Так, он писал: «Эпистемология, или что-то подобное, просто оказывается частью психологии и, следовательно, естественной наукой. Она изучает природные явления, такие как физический человеческий субъект» [ibid., p. 82]. Но Куайн, так же как и Рикер, по сути, никак не обосновывает претензии на возможность научного познания. Здесь мы, возможно, сталкиваемся с чертой, которую Рокмор считал присущей аналитическому неопрагматизму (к которому относил и Куайна), а именно со слабым картезианством, заключающимся в некритическом убеждении, что мы имеем возможность претендовать на знание о реальности [13, p. 265]. Так или иначе, Рикер и Куайн очень близки в интерпретации процесса научного познания. Рикеровское представление о теоретическом объяснении как о метафорическом переописании области «*explanandum*» [8, с. 105] очень близко видению Куайна, который считал, что структура языка формирует структуру онтологии, из чего следует понимание слов и терминов именно как метафор, не имеющих четкого референта. При этом, понятия-метафоры понимаются Рикером не просто как некие выражения эмоционального состояния субъекта, не обладающие референтностью [там же, с. 69], просто в данном случае мы имеем дело с референцией непрозрачной, а не подобной, как это было бы в случае картины мира, «мифу о музее». То же самое можно, исходя из описанных выше в статье идей Куайна, сказать и относительно его взглядов на природу метафоры. Говоря же о проблеме возможности уточнения отношений между реальностью и научным языком, оба автора, как мы уже указывали выше, очевидно, не подвергали сомнению саму эту возможность. Рикер для ее описания использовал термин Мэри Хессе «приблизительная подгонка» (*approximate fit*), в рамках которого происходит расширение языка наблюдения посредством метафорического употребления [там же, с. 105–106]. Таким образом, можно зафиксировать явное сходство и даже родство представлений Куайна и Рикера о процессе научного познания, однако Рикер идет дальше и четко проговаривает, что теоретическое объяснение носит характер именно метафорического переописания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытожив, можно сказать, что конвергенция философии Куайна с концепцией метафорической истины Поля Рикера не дала однозначно плодотворных результатов с точки зрения выявления реалистического потенциала подобного философского синтеза. Так, герменевтический метод Рикера, обладая антирелятивистским и антинатуралистическим потенциалом, не может тем не менее быть распространен на естественнонаучный дискурс, к которому Куайн как приверженец натурализма и научного реализма, по сути, сводит реальность как таковую. Рикеровская концепция «фюзиса», хоть она и вторит эпистемологическому холизму Куайна, не может быть, на наш взгляд, однозначно встроена в систему рассуждений Куайна в силу использования аргументов, более свойственных континентальной философской традиции. Наибольшим потенциалом, с нашей точки зрения, обладает применение к куайновской теории процесса научного познания заимствованной Рикером у Мари Хэссе концеп-

ции научного идеала с ее идеей «приблизительной подгонки» экспланандума и эксплананса и критикой идеи дедуктивного выведения первого из второго. Представление Рикера о теоретическом объяснении как о метафорическом переописании области экспланандума крайне органично, на наш взгляд, сочетается с представлением Куайна о расширении языка теории. Однако такое применение, хоть оно потенциально и позволяет устранить релятивистские устремления философии Куайна, все же не дает никаких аргументов в пользу реализма, поскольку сама возможность уточнения отношений между реальностью и теорией никак не обосновывается Рикером. Тем не менее это все же позволяет избежать той степени приверженности конвенционализму, присущей философии Куайна, что дает перспективу уйти от релятивистской позиции в сторону концепции универсальной истины, которая, как мы полагаем вслед за Хилари Патнэмом, неразрывно связана с идеей реализма. В целом, в ходе работы было обнаружено множество родственных элементов в философии двух авторов, таких как концепция непрозрачной референции, эпистемологический холизм, отказ от «мифа о музее», приверженность идеям слабого реализма и слабого картезианства, что также можно считать положительным результатом исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. — М.: УРСС, 2001.
2. Джохадзе И. Д. Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме // Эпистемология & философия науки. — 2011. — № 4. — С. 175–190.
3. Куайн У. Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология. — М.: «Дом интеллектуальной книги»; «Прогресс-Традиция», 1998. — С. 322–342.
4. Куайн У. Две догмы эмпиризма // Слово и объект. — М.: Логос; Праксис, 2000.
5. Куайн У. Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. — М.: Логос, 1996. — С. 40–59.
6. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой. — Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015.
7. Печенкин А. А. Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. — М.: «Логос», 1996.
8. Рикер П., Гадамер Х.-Г. Феноменология поэзии / пер. с фр. и с нем. — М.: Группа компаний «РИПОЛ классик»; «Панглосс», 2019.
9. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика / пер. с фр. — М.: АО «КАМИ»; Издательский центр «Academia», 1995.
10. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. — М.: РИПОЛ классик, 2019.
11. Quine W. V. From a Logical Point of View. — Cambridge: Harvard University Press, 1953.
12. Quine W. V. Ontological Relativity and Other Essays. — New York: Columbia University Press, 1969.
13. Rockmore T. On classical and neo-analytic forms of pragmatism // *Metaphilosophy*. — 2005. — Vol. 36. — № 3. — P. 259–271.